

КНИГА 1

ПЕПЕЛ И КРЫЛЬЯ

ВЕДМИНО КОЛЬЦО

18+

ВЕДЬМА. БЕССМЕРТНЫЙ. ПРОКЛЯТИЕ.
ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ ПЕРЕЖИЛА ВЕКА.

Анастасия Столяр

Пепел и крылья

<https://litres.ru/74015099>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эвелин — самая обычная девушка. Она работает официанткой в городском кафе, живёт понятной жизнью и планирует свадьбу со своим парнем Дэниэлом. Всё меняется в один день, когда на пороге заведения появляется загадочный незнакомец с антрацитово-черными глазами.

Мужчина, который знает о ней всё. Его зовут Каэль, и он утверждает, что искал её лицо в толпе долгих пятсот лет, а их любовь — истинная и абсолютная. Кто он — безумец или тот, кого её душа звала всю жизнь? Эвелин предстоит узнать шокирующую правду о своём прошлом и довериться чернокнижнику из своих потаённых снов. Но что делать, если ради спасения этой великой любви им в итоге придётся пойти на самую страшную жертву — забыть друг друга?

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. ДЕВУШКА С ЗЕЛЁНЫМИ ГЛАЗАМИ	10
ГЛАВА 2. ЧЕЛОВЕК В ЧЁРНОМ ПАЛЬТО	19
ГЛАВА 3. ОШИБКА СУДЬБЫ	25
ГЛАВА 4. КОЛЬЦО	31
ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ СОН	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анастасия Столяр

Пепел и крылья

ПРОЛОГ

Германия, 1437 год.

Небо над городом было низким и тяжёлым, будто само не выдерживало того, что должно было произойти. Площадь уже заполнилась людьми. Слишком много глаз для одного единственного приговора.

Кто-то пришёл из любопытства. Кто-то — ведомый липким страхом. Кто-то — чтобы лично убедиться, что зло наконец уничтожено. И все они, затаив дыхание, смотрели в одну точку: на деревянный помост, куда толпа сносила ветки для костра.

Элиану вели медленно. Так ведут не просто преступницу, а наглядный пример. Чтобы запомнили. Чтобы боялись.

Она не сопротивлялась. Грубые верёвки глубоко впивались в запястья, но она почти не чувствовала боли. Холодный ветер трепал её волосы, прилипшие к лицу. Платье, когда-то простое и светлое, теперь казалось чужим, тяжёлым, словно чужая жизнь, которую на неё надели насильно.

Голоса вокруг сливались в единый яростный шум:
— Ведьма!

— Сжечь её!

— Пусть очистится земля!

Она слышала всё, но продолжала идти вперёд. Её взгляд искал не беснующуюся толпу. Он искал его.

И нашёл.

Каэль стоял внизу, чуть в стороне. Пространство вокруг него казалось пустым, словно люди интуитивно не решались приблизиться. Чёрные одежды, бледное лицо и глаза, в которых не было ни страха, ни надежды — только отчаянное, дикое отрицание того, что уже происходит.

Их взгляды встретились, и мир на секунду перестал существовать.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один.

— Элиана! — его голос прорвался сквозь общий гул, разрывая площадь напополам.

В этот же миг его заметили. Люди в тёмных одеждах, стоящие ближе к помосту, двинулись навстречу. Слуги инквизитора Маттиаса фон Кронберга.

— Не допустить! — коротко бросил один из них.

Каэль не остановился. Он шёл к ней, будто не видя ни обнажённых мечей, ни рук, тянущихся его схватить.

— Уберите его! — крикнули сзади.

Его ударили. Он пошатнулся, но не упал. Ещё удар. Кто-то грубо схватил его за плечо, дёрнул назад. Толпа сомкнулась вокруг него, как живая, глухая стена.

— ЭЛИАНА! — его крик стал хриплым, надрывным.

Она видела, как его оттаскивают, как он отчаянно вырывается и как его глаза ни на мгновение не отрываются от неё. И в этот момент что-то внутри неё треснуло. Это был не страх и не боль. Это было прощание.

Её подвели к столбу. Священник что-то монотонно бормотал рядом, но слова растворялись в воздухе, не достигая сознания Элианы. Толпа снова взревела. Кто-то бросил камень, который с глухим стуком ударился у её ног. Она даже не вздрогнула.

Потому что теперь для неё существовал только Каэль. Он всё ещё пытался пробиться к ней. И проигрывал — потому что людей было слишком много, потому что так было решено заранее.

Её привязали к столбу, затянув верёвки сильнее. И тогда она подняла голову. Снова нашла его взглядом и... улыбнулась. Лёгкой, почти невозможной улыбкой. Как будто всё это — не конец. Каэль замер.

— Нет... — прошептал он, но звук утонул в криках.

Она чуть наклонила голову, и он понял: в её глазах не было страха. Это был выбор.

Элиана медленно подняла руку, насколько позволяли путы. На её пальце тускло блеснуло кольцо. Старое, слишком простое для той силы, что была в нём сокрыта. Последнее, что связывало их в этом мире.

— Нет! — Каэль рванулся с новой, безумной силой и почти вырвался. Почти. Но руки инквизиторов снова мёртвой

хваткой сомкнулись на нём.

— Отпустите меня! — его голос сорвался на хрип. — Вы не понимаете, что делаете!

Но они понимали. Именно поэтому удерживали его.

Элиана посмотрела прямо на него и тихо, одними губами, произнесла слова. Он не услышал их ушами — он почувствовал их внутри себя. Как удар. Как вспышку. Как начало чего-то, что уже нельзя остановить.

Она сняла кольцо. В этот миг время будто замедлилось. Толпа исчезла, крики смолкли. Остались только он и она. Её пальцы дрожали, но взгляд был спокоен. Она сделала шаг вперёд, насколько позволяли верёвки, и магия кольца послушно откликнулась, связывая их. Кожа к коже. Магия к магии.

«Найди меня», — беззвучно произнесли её губы. И он понял каждое слово.

Его дыхание сбилось:

— Нет... нет, нет, нет... — шептал он, будто это могло повернуть время вспять.

И тогда она произнесла заклинание. В последний раз.

Мир взорвался. Огонь поднялся резко, жадно, пламя взвилось к небу, яростно обнимая дерево и воздух. Крик толпы слился в единый первобытный рёв.

Каэль почувствовал боль. Не телесную — глубже, ту, которая не принадлежит плоти. Будто его душу разрывали изнутри. Они были повенчаны кольцами. Кольцо на его руке

мгновенно стало раскалённым, ослепительный свет вспыхнул перед глазами, и он закричал.

Хруст ломающихся костей потонул в гуле площади. Пространство вокруг потеряло былую жесткость, истончилось и поплыло. Каэль падал — но не на землю, а куда-то глубоко в себя, в первородную тьму.

Реальность окончательно раскололась. Померкло серое небо, исчезли контуры площади. Остался лишь крик — яростный, дикий, больше не принадлежащий человеку.

Изнутри, разрывая человеческое естество, проросли иссиня-чёрные перья. Руки обратились в крылья, а крик отчаяния растворился в хриплом клекоте. Там, где мгновение назад стоял мужчина, на брусчатку рухнул огромный, словно сотканный из ночных теней ворон.

Толпа оцепенела. Оглушительный рёв площади сменился мёртвым, звенящим безмолвием, которое тут же взорвалось паническими криками. Люди в ужасе бросались прочь, кто-то падал на колени, неистово крестясь.

Но птица не видела их. Для неё мир сузился до одной-единственной точки.

Элиана.

В последний раз. Сквозь ядовитую завесу дыма, сквозь пляшущие языки пламени, сквозь руины их разрушенной жизни. Ворон смотрел на её лицо — пугающе спокойное, ускользающее, но всё ещё живое и рука до последнего вдоха сжимало кольцо.

Секунда — и стена огня сомкнулась, пряча её навсегда.

Ворон взмыл ввысь. Он резал крыльями тяжёлый воздух, уходя в крутое пике к безразличным облакам, будто надеялся разорвать саму ткань мироздания и вернуть её. Но небо оставалось немым.

Далеко внизу догорал костёр, обращая их прошлое в пепел.

ГЛАВА 1. ДЕВУШКА С ЗЕЛЁНЫМИ ГЛАЗАМИ

Современный город жил так, будто никогда не уставал. Он шумел, пульсировал неоновыми вывесками, вечно спешил — даже тогда, когда улицы давно должны были погрузиться в глубокий сон. Эвелин Харт иногда казалось, что этот мегаполис просто панически боится тишины.

Именно поэтому она и выбрала это место. Маленькое кафе находилось на самой окраине, где неоновый блеск центра сменялся редкими тусклыми фонарями, а бешеный ритм города наконец-то затихал. Витрина здесь всегда была слегка запотевшей от сырости, а горьковатый запах жжёного зерна въедался в одежду так же прочно, как хроническая усталость — в её мысли.

Эвелин было двадцать шесть, и большую часть жизни она провела, пытаясь соответствовать чужим ожиданиям. Окружающие видели её мягкой, покладистой и бесконфликтной. Она редко спорила, умела слушать и обладала той редкой, успокаивающей энергетикой, рядом с которой люди мгновенно расслаблялись. Но мало кто знал, чего ей стоило это внешнее спокойствие. Внутри Эвелин годами жила глухая, необъяснимая тревога. Ей часто снились странные, пугающе реалистичные сны: старинные замки, всполохи изумрудного

пламени и шёпот на незнакомом языке. Просыпаясь в холодном поту, она долго смотрела в потолок, чувствуя себя чужой в собственном теле.

Работа в кофейне на отшибе была её осознанным побегом от этого внутреннего шума. Подруги Дэниэла откровенно поджимали губы, не понимая, зачем будущей жене успешного юриста из обеспеченной семьи гробить себя за копейки на окраине города. Сам Дэниэл мягко настаивал на том, чтобы она уволилась. Он окружил её абсолютной, почти удушающей заботой: обещал купить ей собственную студию или кондитерскую в центре, полностью оплачивал их совместную жизнь и искренне считал, что спасает её от бытовой рутины. Дэниэл был идеальным — надёжным, предсказуемым, любящим.

Но Эвелин упрямо возвращалась сюда, за эту старую деревянную стойку. Ей до дрожи, до паники нужна была эта маленькая, пускай и иллюзорная независимость. Внутри неё жило странное предчувствие: если она согласится на красивую, готовую жизнь, которую ей предлагает жених, она окончательно растворится и потеряет какую-то важную, скрытую часть себя. Однообразный ручной труд — смолоть зерна, взбить молоко, протереть столы — давал ей ощущение контроля над реальностью. Запах кофе был её единственным якорем.

— Двойной латте на вынос! — крикнула Лиза, глухо стукнув холдером по кофемашине.

— Уже готовлю, — ровно ответила Эвелин.

Её пальцы двигались на автомате, привычным, доведённым до автоматизма жестом подставляя картонный стакан под поток вспененного молока. Тело давно научилось функционировать само по себе, без участия разума.

Последние три месяца Эвелин почти не спала. Стоило ей закрыть глаза, как сознание затягивало в один и тот же изнуряющий, липкий кошмар: удушливый чёрный дым, треск пожирающего плоть огня и нечеловеческий, разрывающий лёгкие крик, от которого она каждое утро просыпалась в холодном поту. Часы показывали четыре утра, и уснуть больше не получалось. Эта накопленная неделями бессонница залегла тёмными тенями под её зелёными глазами, превращая каждый день в бесконечный туманный марафон.

За стеклом уныло моросил мелкий октябрьский дождь. Прохожие спешили мимо, пряча лица в глубокие капюшоны и экраны телефонов. У каждого из них было чёткое направление, понятное будущее и осязаемое рутинное счастье. Эвелин поймала себя на глухой, несвойственной ей зависти к этой чужой определённости.

— Ты сегодня снова тихая, — заметила Лиза, наклоняясь ближе и шумно вытирая руки полотенцем.

— Я всегда такая, — не поворачивая головы, отозвалась Эвелин.

— Нет, не всегда. Раньше ты смеялась от каждой дурацкой шутки. А теперь как будто замороженная.

Эвелин лишь едва заметно усмехнулась, оставив замечание без ответа.

Лиза внимательно всмотрелась в её осунувшееся лицо: — Ты из-за свадьбы так дёргаешься?

Рука Эвелин на долю секунды замерла, удерживая пластиковую крышку над стаканом. Пауза получилась слишком долгой.

— Конечно, — быстро выровняла она голос, защёлкивая пластик. — Все невесты нервничают, когда до торжества остаётся меньше месяца.

— Ну не знаю, — тихо протянула Лиза, забирая заказ. — Ты не выглядишь взволнованной. Ты выглядишь так, будто отбываешь срок. Счастье обычно не похоже на крайнюю степень истощения, Эв.

Эвелин промолчала, потому что спорить со столь очевидным фактом не имело смысла. И эта её правота лишь сильнее раздражала, бередя и без того натянутые нервы.

Дэниел позвонил ближе к обеду. Его звонки всегда раздавались строго по графику.

— Привет. Ты сегодня поздно? — его голос в динамике был идеально ровным, спокойным и предсказуемым. Как и вся его жизнь.

— Смена до девяти, — ответила Эвелин, прижимая телефон плечом к уху и параллельно выставляя на витрину свежую выпечку.

— Я заеду за тобой.

— Не нужно, Дэни, я доберусь сама.

— Эвелин, — мягко, но с нажимом перебил он.

Она осеклась. Дэниел никогда не кричал, не устраивал сцен и не давил открыто. Он просто говорил с той непоколебимой, железобетонной уверенностью, перед которой любые её возражения заранее казались глупым капризом.

— Хорошо, — глухо согласилась она. — Как хочешь.

В трубке повисло короткое молчание. — Ты опять не в настроении? Снова не спала всю ночь?

— Дэниел, давай не сейчас...

— Я просто переживаю за тебя. Скоро свадьба, а ты изматываешь себя этими глупыми сменами и вечным недосыпом. Тебе нужно показаться врачу, Эв. Эти твои сны — это ненормально.

В его интонациях не было деспотизма — только чистая, рафинированная забота. Но именно от этой правильной, удушающей заботы внутри неё всё стягивалось тугим узлом.

— Я в порядке. Правда. Увидимся вечером.

Он отключился первым. Эвелин медленно опустила руку с телефоном на деревянную стойку. Пальцы мелко, едва заметно дрожали — верный признак того, что нервная система из-за отсутствия нормального сна уже начинала сдавать.

К вечеру поток посетителей иссяк, и в кафе наконец воцарилась относительная тишина. Дождь прекратился, но небо над крышами домов налилось свинцовой тяжестью.

— Я покурить, — бросила Эвелин, стягивая рабочий фар-

тук.

— Давай, только не провались в свои мысли, как обычно,
— отшутилась Лиза.

Эвелин натянуто улыбнулась и толкнула тяжёлую служебную дверь, ведущую в глухой технический переулочек. На улице оказалось гораздо холоднее, чем виделось из окна. Воздух пах мокрым асфальтом и бензином. Она плотнее обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять дрожь, затем достала сигарету и подняла голову к небу, чтобы глубоко затянуться.

На старом кованом фонаре прямо напротив чёрного входа сидел ворон. Большой, иссиня-чёрный, с неестественно плотным, блестящим оперением, он резко выделялся на фоне серого городского пейзажа. Птица не шевелилась, не чистила перья и не издавала ни звука. Она просто сидела, наклонив голову, и смотрела. В упор. Прямо на неё.

Эвелин раздражённо нахмурилась: — Ну конечно. Только тебя мне тут не хватало для полной картины.

Она сделала шаг в сторону, собираясь вернуться назад, но взгляд помимо воли снова зацепился за тёмный силуэт. Птица даже не моргнула. Обычные городские вороны пугливы, они суетятся, ищут еду или улетают при малейшем движении человека. Этот же сидел неподвижно, словно каменное изваяние, и в его застывшем, направленном взгляде сквозило что-то пугающе осознанное.

Почувствовав, как по спине пробежал неприятный холодок, Эвелин резко развернулась и скрылась за дверью кафе,

списав всё на разыгравшуюся от хронической бессонницы паранойю.

Оставшаяся часть вечера прошла рутинно. Лиза ушла на полчаса раньше, оставив Эвелин закрывать кассу. Она последовательно выключала свет в залах, протирала столы и запирала замки, стараясь ни о чём не думать.

Когда она наконец вышла на главную улицу, город уже полностью поглотила глубокая ночь. Жёлтые фонари отражались в гляцевых лужах, превращая мокрый тротуар в бесконечную цепочку дрожащих огней.

Эвелин поправила сумку, сделала шаг к дороге и замерла. Он всё ещё был там.

Тот же самый кованый столб. Тот же огромный ворон. Прошло больше трёх часов, но птица не сменила место, не улетела греться под крышу. Она сидела в той же позе, будто время вообще не коснулось её.

Эвелин остановилась, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение вперемешку с усталостью.

— Ты издеваешься? — негромко бросила она в пустоту улицы. — Ты что, просидел здесь весь день?

Ворон едва заметно качнулся на лапах и чуть сильнее наклонил голову, продолжая буравить её своими блестящими глазами-бусинами.

В этот момент тишину улицы разорвал короткий, вежливый автомобильный сигнал.

Эвелин вздрогнула, резко оборачиваясь на звук. К обочи-

не плавно припаркован чистый чёрный седан Дэниела. Фары мягко разрезали полумрак, а стекло со стороны водителя опустилось.

— Эв, садись быстрее, на улице холодно, — раздался его ровный, спокойный голос.

В памяти тут же всплыли его дневные слова: *«Тебе нужно показаться врачу, Эв. Это ненормально».*

«Да, — подумала она, чувствуя, как липкое чувство неловкости смешивается с усталостью. — Дэниел прав. Мне определённо нужен нормальный сон. Я уже разговариваю с городскими птицами».

Она быстро поправила сумку и поспешила к машине, стараясь не смотреть по сторонам. Дэниел потянулся и открыл ей пассажирскую дверь изнутри. В салоне пахло дорогой кожей и мятым освежителем — этот запах всегда действовал на неё успокаивающе, возвращая в предсказуемую реальность.

— Спасибо, что приехал, — тихо сказала Эвелин, садясь в тепло и закрывая дверцу.

— Я же обещал, — Дэниел мягко улыбнулся, мимолётным жестом коснувшись её холодной ладони, и перевёл передачу. — Ты бледная. Опять стоишь на месте и о чём-то думаешь.

— Просто устала, — соврала она, пристегивая ремень безопасности.

Машина плавно тронулась с места и поехала по залитой огнями улице. Эвелин откинула голову на кожаное сиденье

и всё-таки повернулась к окну. Сквозь тонированное стекло, проплывая мимо кованого фонаря, она отчётливо увидела, что ворон даже не шелохнулся.

Он по-прежнему сидел там, провожая взглядом удаляющийся автомобиль, и Эвелин спиной чувствовала этот неотрывный, пристальный чёрный взгляд, который не смогла спрятать даже темнота салона.

ГЛАВА 2. ЧЕЛОВЕК В ЧЁРНОМ ПАЛЬТО

Утро встретило Эвелин привычной серой хмарью и тяжёлой, тупой болью в висках. Сон снова не принёс облегчения. Тот же огонь, те же крики, та же ускользающая из пальцев реальность. Ей казалось, что её мозг постепенно превращается в выжженную пустыню, где единственным живым оазисом оставался аромат крепкого кофе, который она варила уже третий час подряд.

Лиза влетела в кафе на двадцать минут позже смены, взбодороженная и запыхавшаяся, едва не сбив стойку с десертами.

— Ты не поверишь! — вместо приветствия выпалила она, сбрасывая мокрую куртку прямо на стул. — Наш старик Питер продал кафе. Представляешь? Вчера поздно вечером подписал бумаги.

Эвелин даже не подняла головы, методично протирая паровую трубку кофемашины. — И кто покупатель? Очередная ресторанный сеть?

— В том-то и дело, что нет! — Лиза заговорщически наклонилась через стойку. — Какой-то частный инвестор. Питер заикался от восторга, сказал, что ему выплатят такие отступные, о которых он и мечтать не мог. Но самое странное

— никто из персонала его в глаза не видел. Все дела вел его адвокат. Какой-то таинственный мистер Икс.

— Главное, чтобы этот мистер Икс не урезал нам смены,
— тихо отозвалась Эвелин, поправляя волосы.

— Ой, да ладно тебе, сразу о приземлённом, — отмахнулась Лиза, уходя в подсобку. — Вдруг это какой-нибудь молодой эксцентричный миллионер? Хоть какое-то разнообразие в нашей дыре.

Эвелин лишь устало вздохнула. Эксцентричные миллионеры её не интересовали. Всё, чего ей хотелось — это чтобы этот день закончился, а Дэниел вечером снова увёз её в их безупречно чистую, тихую квартиру, подальше от шумных улиц.

Ближе к полудню дождь припустил с новой силой, отрезав кафе от редких прохожих. Колокольчик над входной дверью молчал уже больше часа. Эвелин стояла у кассы, глядя на стекающие по стеклу капли, когда дверь резко распахнулась.

Холодный порыв ветра ворвался в помещение, принеся с собой запах озона и мокрой земли.

В кафе вошёл мужчина.

Он был высоким, подтянутым, одетым в безупречно скроенное чёрное пальто, которое казалось слишком дорогим для этого скромного квартала. На его плечах и тёмных, слегка растрёпанных волосах поблескивали капли дождя. Лицо незнакомца отличалось аристократичной, почти пугающей бледностью, а резкие, правильные черты лица делали его по-

ходим на ожившую скульптуру. Но больше всего поражали глаза — глубокие, бездонно-чёрные, они смотрели на мир с пугающим, вековым спокойствием.

Он не спеша снял перчатки, и Эвелин почувствовала, как по её коже пробежала странная, необъяснимая волна жара. Сердце внезапно пропустило удар, а затем забилось в каком-то бешеном, чужом ритме.

Мужчина подошёл к стойке. Он двигался абсолютно бесшумно, с грацией хищника, который никуда не торопится.

Из подсобки высунулась Лиза, мгновенно оценив внешность гостя, и замерла, напрочь забыв, что хотела сказать. Незнакомец был чертовски, магнетически хорош собой, но от него веяло такой тяжёлой, давящей силой, что подойти ближе казалось опасным.

— Добрый день, — голос Эвелин едва заметно дрогнул, что разозлило её саму. — Что будете заказывать?

Мужчина не ответил сразу. Он смотрел на неё. Не так, как смотрят обычные мужчины — без пошлости или банального интереса. Его взгляд буквально впился в её лицо, изучая каждую черточку, задерживаясь на бледных щеках и тёмных кругах под глазами. В этом взгляде была такая концентрация боли, обожания и бешеного, сдерживаемого напряжения, что Эвелин захотелось сделать шаг назад.

— Чёрный кофе. Без сахара и молока, — наконец произнёс он.

Его голос оказался низким, бархатистым, с едва улови-

мым, непривычным для этих мест выговором. Этот звук отозвался где-то глубоко внизу живота Эвелин резкой, почти болезненной вспышкой чистого, животного влечения. Ей безумно, до головокружения захотелось, чтобы он протянул руку и коснулся её.

Испугавшись собственных мыслей, Эвелин резко отвернулась к кофемашине. *«О боже, что со мной? У меня есть Дэниел. Я люблю Дэниела»*, — как мантру повторяла она про себя, пока её дрожащие пальцы насыпали зерна. Бессонница окончательно сводила её с ума, если первый встречный красивый парень вызывал у неё такие постыдные реакции.

— Вы выглядите очень уставшей, — негромко раздалось за её спиной.

Эвелин замерла, удерживая холдер. — Обычный предсвадебный стресс, — попыталась отшутиться она, не оборачиваясь. — И плохой сон.

— Кошмары? — прямо спросил он.

Она резко повернулась к нему. Откуда он мог знать? Но лицо незнакомца оставалось непроницаемым, лишь в глубине чёрных глаз промелькнуло нечто, похожее на глухую, застарелую вину.

— Просто много работы, — сухо отрезала Эвелин, стараясь вернуть разговору профессиональный тон. Она поставила перед ним чашку. — Ваш кофе. С вас четыре доллара.

Мужчина плавно положил на стойку стодолларовую купюру. — Сдачи не нужно. И... вам стоит поберечь себя, Эве-

лин.

Она похолодела. — Откуда вы... знаете моё имя?

Он едва заметно, почти призрачно улыбнулся — улыбкой, от которой внутри неё всё перевернулось. Его взгляд скользнул по её груди. — Бейдж на вашем фартуке.

Эвелин мысленно выругалась, чувствуя, как краснеет. Ну конечно. Обычная внимательность.

Мужчина взял чашку, сделал один глоток, не отрывая от неё пристального взгляда, а затем поставил её обратно, наполовину полной. Он развернулся и так же бесшумно направился к выходу. Колокольчик над дверью звякнул, и незнакомец растворился в серой пелене дождя.

Лиза тут же подскочила к Эвелин, шумно выдыхая: — Матерь божья, Эв... Кто это был? Он, конечно, нереальный красавец, но у меня под его взглядом поджилки затряслись. Словно он пришёл не за кофе, а за твоей душой. И почему он оставил столько денег? Странный какой-то.

Эвелин ничего не ответила. Она смотрела на недопитую чашку. Пальцы по-прежнему мелко дрожали, а в голове набатом стучал его голос. Это не было предчувствием, это была просто реакция измотанного организма на сильного, харизматичного мужчину. Так она себя убеждала.

Спустя полчаса задняя дверь кафе открылась, и в зал вошёл старый Питер — их прежний владелец. На нём был его вечный нелепый дождевик, но лицо так и сияло от счастья.

— Девочки! — радостно крикнул он, потирая руки. —

Бросайте свои тряпки, минутку внимания. Сделка века закрыта. Я пришёл попрощаться и представить вам человека, который выкупил это заведение вместе со зданием. Прошу любить и жаловать, с сегодняшнего дня он ваш полноправный босс.

Эвелин и Лиза повернулись к двери.

Из коридора в зал неторопливо вошёл мужчина. Тот самый. В чёрном пальто, с идеальной осанкой и бездонными, антрацитовыми глазами. Он обвёл взглядом помещение, задержался на побледневшем лице Эвелин и мягко кивнул.

— Каэль, — представился он, и этот голос снова отозвался в её теле неконтролируемой дрожью. — Надеюсь, мы поладим.

ГЛАВА 3. ОШИБКА СУДЬБЫ

Слово «Каэль» повисло в полупустом зале кафе, словно тяжёлая, осязаемая капля чернил, упавшая в чистую воду.

Старый Питер продолжал что-то восторженно лепетать, пожимая новому владельцу руку, но Эвелин его уже не слышала. Ей казалось, что стены заведения внезапно сдвинулись, уменьшая пространство до размеров спичечного коробка. Ощущение ловушки было настолько острым, что на мгновение ей стало трудно дышать.

— Ну, я пойду, дела не ждут! Удачи, девочки! Удачи, мистер Каэль! — Питер суетливо натянул капюшон и буквально выбежал на улицу, оставив их наедине с новой реальностью.

Лиза, обычно не лезущая за словом в карман, сейчас стояла навытяжку, натянуто улыбаясь. — Мы... мы очень рады, мистер Каэль. Я Лиза, а это Эвелин. Мы ведем смены и...

— Я знаю, — мягко перебил её Каэль.

Он снял пальто, под которым оказался безупречно сидящий чёрный пиджак, и аккуратно повесил его на вешалку у входа. Каждое его движение дышало выверенным, вековым аристократизмом, который смотрелся дико среди недорогих пластиковых стульев и копеечных постеров на стенах.

Он повернулся и посмотрел прямо на Эвелин. В его глазах не было торжества — только глубинное, жадное и в то же время болезненное изучение.

— Вы можете идти, Лиза, — не оборачиваясь к подруге, негромко произнёс Каэль. — На сегодня ваша смена окончена. Оплата будет начислена в полном объёме. Мне нужно обсудить некоторые организационные вопросы с... вашей коллегой.

Лиза растерянно перевела взгляд на Эвелин. Та едва заметно кивнула, хотя внутри неё всё кричало о том, чтобы подруга осталась. Как только за Лизой закрылась дверь, в кафе воцарилась оглушительная, звенящая тишина.

Каэль подошёл к стойке. Настолько близко, что Эвелин уловила его запах — морозный воздух, едва уловимый аромат старой бумаги и чего-то горького, напоминающего полынь.

— Вы боитесь меня, Эвелин? — тихо спросил он.

— Я не боюсь, — соврала она, расправляя плечи и отчаянно цепляясь за остатки профессионального тона. — Просто это... неожиданно. Вы пришли как клиент, а теперь говорите, что купили это место. Зачем? Выглядит так, будто вы ошиблись дверью. Заведения вашего уровня находятся в центре, а не на окраине.

Каэль приподнял бровь. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на грустную нежность. — Я никогда не ошибаюсь дверями, Эвелин. Я всегда прихожу именно туда, куда должен.

Он оперся ладонями о стойку, и Эвелин против воли опустила взгляд на его руки. Длинные, сильные пальцы, без-

упречные ногти... И кольцо. Старое, серебряное, с тусклым, почти чёрным камнем на указательном пальце. При взгляде на это кольцо в голове Эвелин на долю секунды вспыхнул яростный, ослепительный сполох — словно звук падающего металла и запах гари. Она покачнулась, ухватившись за край кассы.

— Вы бледны. И этот предсвадебный стресс, о котором вы говорили... — Каэль произнёс слово «предсвадебный» так, словно оно жгло ему язык. Его голос стал холоднее. — Кто он?

— Мой жених, — резко ответила Эвелин, приходя в себя и злясь на свою слабость. — Его зовут Дэниел. И я не думаю, что моя личная жизнь входит в круг ваших обязанностей как работодателя.

— Дэниел, — повторил Каэль, пробуя имя на вкус, и на его лице на мгновение проступила такая ледяная, хищная гримаса, что Эвелин сделала шаг назад. — Успешный адвокат. Мужчина в идеальном костюме, который расписал вашу жизнь по пунктам на следующие пятьдесят лет. Правильно?

Эвелин замерла. Холод пробежал по позвоночнику. — Откуда... откуда вы это знаете? Вы следили за мной?

Каэль не успел ответить. Тишину улицы разорвал знакомый, уверенный звук автомобильного гудка. К витрине кафе плавно припарковался чёрный седан Дэниела. Сегодня он приехал раньше — как раз к концу её официальной смены.

Дверь кафе открылась, впуская порцию холодного возду-

ха. Дэниел вошел внутрь, на ходу стряхивая капли дождя со своего безупречного серого пальто. Его взгляд мгновенно оценил обстановку: пустой зал, отсутствие Лизы и высокий, бледный мужчина в чёрном, стоящий слишком близко к его невесте.

Как истинный адвокат, Дэниел не проявил ни капли суеты. Его лицо осталось маской вежливой строгости. Он подошёл, по-хозяйски приобнял Эвелин за талию и запечатлел мягкий, уверенный поцелуй на её щеке. Эвелин почувствовала, как её напряжённое тело немного расслабилось в его привычных, безопасных руках.

— Эв, дорогая, ты не готова? — Дэниел перевёл взгляд на Каэля. — Добрый вечер. Я Дэниел, жених Эвелин. А вы?..

Каэль медленно выпрямился. Он был чуть выше Дэниела, и контраст между ними был разительным. Дэниел — воплощение современного успеха, лоска и понятной земной силы. Каэль — словно ожившая тень из ушедшей эпохи, опасная и непредсказуемая.

Их взгляды встретились. Это была мгновенная, глухая дуэль. Каэль смотрел на руку Дэниела, лежащую на талии Эвелин, с такой концентрированной, пятисотлетней яростью, что воздух в кафе, казалось, стал осязаемо горячим. Но Дэниел этого не заметил — его прагматичный мозг просто зафиксировал «странного, неприятного типа».

— Каэль, — представился новый владелец, не протягивая руки. — Новый собственник этого заведения. Мы как раз

обсуждали с Эвелин её... дальнейшие перспективы здесь.

Дэниел слегка нахмурился, его адвокатский радар мгновенно уловил скрытое напряжение. Он мягко, но непреклонно притянул Эвелин ближе к себе.

— Что ж, мистер Каэль. Надеюсь, новые условия работы не будут ущемлять права сотрудников. У Эвелин через месяц свадьба, и у неё плотный график. В любом случае, её смена окончена. Мы уходим.

— Свадьба через месяц, — неэмоционально, как констатацию факта, повторил Каэль. Его взгляд переместился на Эвелин. Он смотрел прямо в её зелёные глаза, и в этой черноте Эвелин вдруг отчетливо прочитала: *«Откажись. Уйди от него»*.

Внутри неё снова ухнуло вниз то самое неконтролируемое, дикое желание. Ей безумно захотелось сбросить руку Дэниела, перешагнуть через стойку и оказаться рядом с этим пугающим мужчиной. От этой мысли ей стало по-настоящему страшно. Она предаёт человека, который заботится о ней, ради мимолётного наваждения.

— Да, — твёрдо сказала Эвелин, заставляя себя смотреть на Дэниела, а не на Каэля. — Через месяц. Мне пора идти, мистер Каэль. До свидания.

— До встречи, Эвелин, — тихо ответил Каэль, — я закрою заведение, можете быть свободны.

Дэниел взял её за руку — его ладонь была тёплой и сухой — и повёл к выходу. Когда они садились в машину, Дэниел,

настраивая зеркало заднего вида, обыденным тоном заметил: — Странный тип. Слишком напыщенный для владельца маленького кафе. Тебе не стоит оставаться с ним наедине, Эв. Если будет давить или вести себя неадекватно — сразу говори мне, я быстро найду на него юридическую управу.

— Всё хорошо, Дэни. Он просто... специфический, — тихо ответила Эвелин, глядя в окно.

Машина тронулась. Эвелин обернулась. Каэль стоял у темного окна кафе. Он не шевелился. Он смотрел им вслед, и в его руке, скрытое от глаз Дэниела, тускло поблескивало серебряное кольцо.

ГЛАВА 4. КОЛЬЦО

Субботнее утро пахло дождём, сырой землёй и старыми книгами.

Дэниел настоял на том, чтобы отвезти Эвелин к её бабушке, Клер Харт. После встречи с новым владельцем кафе он стал ещё более внимательным, окружая её заботой, которая временами казалась Эвелин едва ощутимой, но прочной клеткой.

— Я заберу тебя в четыре, Эв, — Дэниел припарковал машину у покосившегося деревянного забора. — Пожалуйста, не утомляйся. Поговори с Клер насчёт списка гостей с её стороны, и возвращайся. Тебе нужно отдохнуть. У тебя снова бледный вид.

— Всё хорошо, Дэни. Спасибо, — Эвелин мягко коснулась его плеча, натянуто улыбнулась и вышла из машины.

Дом бабушки Клер стоял на окраине города, в старом квартале, куда неоновые вывески и шум магистралей доносились лишь глухим эхом. Это было двухэтажное здание из тёмного кирпича, обвитое увядающим плющом. Внутри него время словно остановилось в прошлом веке.

Клер Харт встретила внучку на пороге. Это была подтянутая, строгая женщина с пронзительными серыми глазами, которая всегда говорила мало, но видела, казалось, насквозь.

— Ты плохо выглядишь, Эвелин, — вместо приветствия

тихо сказала Клер, пропуская её в пахнущую лавандой и сухими травами прихожую. — Снова эти сны?

— Просто предсвадебные хлопоты, бабушка, — Эвелин привычно попыталась уйти от темы, снимая пальто. — Дэниел переживает. Мы привезли список...

— Дэниел переживает о том, что может измерить и вписать в свои контракты, — сухо перебила Клер, направляясь в глубь дома. — Иди на кухню. Кофе уже на плите.

Кухня бабушки встретила их тихим ворчанием закипающего гейзера и теплом. Клер разлила густой, ароматный напиток по старым фарфоровым чашкам и села напротив внучки. Какое-то время они пили кофе в тишине, пока старая женщина не заговорила — тихо, глядя куда-то сквозь стену, словно листая пожелтевшие страницы памяти.

— Твоя свадьба — важный шаг, Эв. И перед ней я должна рассказать тебе одну вещь. Харт — очень старый род. Когда-то, много веков назад, наши предки, если верить сказкам, обладали какой-то особенной, древней силой. Конечно, со временем всё это превратилось в простые семейные легенды, которые матери пересказывали дочерям. Помню, мне в детстве говорили, будто самая первая женщина в нашем роду была могущественной ведьмой, которую безумно любил какой-то опасный человек. Она погибла, но её душа была обречена возвращаться на землю снова и снова. Только вот рождалась она то тут, то там — в чужих семьях, в чужой крови. И её человеческий разум просто не справлялся с

той силой, что просыпалась внутри. Бедные девушки теряли рассудок и рано умирали...

Клер мягко, снисходительно улыбнулась и сделала глоток кофе.

— Глупые сказки, конечно. Но старейшины утверждали, что однажды она должна родиться именно в своём родном гнезде, среди настоящих потомков, и тогда круг замкнётся. Ладно, пустой разговор. Пойдём со мной. Нам нужно забрать твой подарок.

Они поднялись по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж, в небольшую комнату, выполнявшую роль библиотеки и чулана одновременно. Здесь, среди старых холстов и пыльных коробок, Клер остановилась перед тяжёлым комодом из мореного дуба. Из самого нижнего ящика она достала небольшую деревянную шкатулку, обитую потемневшим от времени бархатом.

— Это наше фамильное украшение. Оно передаётся из поколения в поколение по женской линии строго перед свадьбой.

Клер открыла крышку. На выцветшем лоскуте шёлка лежало кольцо. Серебряное, потемневшее от времени, с грубой, почти примитивной огранкой тёмного, антрацитового камня.

Мир вокруг Эвелин на секунду качнулся.

Это было то самое кольцо. Она видела его на пальце Каэля всего два дня назад в кафе. Точно такое же. Или... оно само?

В голове оглушительным эхом пронёсся звук, которого она никогда не слышала в реальности — яростный, голодный треск огромного костра и хриплый, срывающийся на крик мужской голос, зовущий кого-то по имени. Воздух в комнате внезапно показался раскалённым, а в нос ударил отчётливый, душливый запах гари и дыма.

Эвелин судорожно выдохнула и отшатнулась.

— Эвелин! Что с тобой? — Клер нахмурилась, заметив, как побледнела внучка.

— Я... я знаю это кольцо, — прошептала Эвелин, глядя на артефакт с суеверным ужасом. Её пальцы мелко дрожали. — У мистера Каэля... у моего нового босса в кафе... точно такое же кольцо. Это невозможно.

Клер Харт замерла с открытой шкатулкой в руках. В её глазах промелькнуло странное, далёкое воспоминание, словно вспышка старого, покрытого пылью кадра.

— Каэль?.. — тихо, одними губами повторила старая женщина. Её строгий взгляд вдруг стал удивительно растерянным. — Каэль... Надо же, какое совпадение. Знаешь, Эв... Двадцать шесть лет назад, как раз когда ты только появилась на свет, в нашей жизни тоже был мужчина по имени Каэль. Удивительный человек. Наша семья тогда была на грани катастрофы — твоя мать бросила твоего отца, когда ты была совсем крохой, забрала все накопления дочиста и просто сбежала. Твой отец сходил с ума, долги душили его, мы не знали, как выжить. И тут появился этот Каэль. Он просто

пришёл и помог твоему отцу. Финансово вытащил его из такой жуткой ямы, буквально спас вас двоих... Я до сих пор помню его глаза. Будто он знал нас всю жизнь. Больше мы его никогда не видели. Наверное, это просто тёзки, сейчас мода на старинные имена. На свете много похожих побрякушек, Эвелин. Надень кольцо, примерь.

«Нет, нет, это просто галлюцинации от бессонницы, — упрямо твердил Эвелин её прагматичный разум, воспитанный Дэниелом. — Это просто совпадение. Старое серебро, обычный дизайн».

Пытаясь доказать самой себе, что она контролирует ситуацию и не сходит с ума, Эвелин протянула дрожащую руку, взяла кольцо и решительно надела его на безымянный палец левой руки.

Кольцо село идеально, словно было отлито по её мерке. Настоящая кровь Харт, текущая в её венах, мгновенно отозвалась на родной артефакт.

И в ту же секунду камень внутри него словно ожил. По телу Эвелин разлилось нечеловеческое, обжигающее тепло. Ей показалось, что невидимая нить, тугая и раскалённая, протянулась от её пальца куда-то далеко, сквозь стены дома, через километры дождливого города — прямо к тому, кто ждал её пятьсот лет.

Внутри неё, вопреки всей логике, здравому смыслу и любви к Дэниелу, взорвалась волна дикого, неконтролируемого влечения к Каэлю. Образ мужчины в чёрном пальто, его без-

донные чёрные глаза и бледное лицо возникли перед внутренним взором так отчётливо, что она едва не застонала от непонятной, пугающей тоски. Ей захотелось бросить всё, сбежать из этого дома, найти его и коснуться его губ. Ее разум, защищенный правильной, родной кровью Харт, не ломался, как у прошлых воплощений, но бунтовал, требуя вернуть то, что принадлежало ей по праву.

— Эвелин? — голос бабушки Клер донёсся словно сквозь толщу воды.

Эвелин резко сорвала кольцо с пальца, будто оно было раскалено докрасна, и с силой швырнула его обратно в шкапулку. Сердце бешено колотилось о рёбра. Она тяжело дышала, а на лбу выступили капли холодного пота. Взгляд наткнулся на бархатную коробочку, которая теперь казалась ей ядовитой змеёй.

— Я... я не могу это взять, бабушка. Не могу носить, — хрипло сказала она, пятясь к выходу из комнаты. — Мне нужно на воздух. Мне душно. Я подожду Дэниела на улице.

Не слушая ответов, Эвелин развернулась и почти бегом спустилась по скрипучей лестнице вниз. На ходу подхватив со стула своё пальто, она выскочила на крыльцо, судорожно глотая ртом холодный, очищающий дождевой воздух.

В это время Клер Харт медленно опустила взгляд на шкапулку. На дне её серых глаз застыла вековая, тяжёлая решимость. Она знала то, чего Эвелин ещё не могла понять: то, что принадлежит роду Харт, всегда возвращается к вла-

дельцу. Заметив оставленную на тумбочке у зеркала сумочку внучки, старая женщина подошла к ней, аккуратно расстегнула молнию и спрятала бархатную шкатулку на самое дно, среди свадебных блокнотов и документов.

Через минуту Клер вышла на крыльцо под косые струи дождя, держа сумочку в руках.

— Дорогая, ты забыла, — тихо сказала она, протягивая её притихшей Эвелин. Старая женщина мягко, но крепко сжала её холодные пальцы. — Я пришлю список гостей на почту. Береги себя.

Эвелин натянуто кивнула, крепче перехватила ремешок сумки, даже не подозревая, *что* теперь несёт с собой, и сделала шаг к воротам, где уже мягко тормозил сверкающий автомобиль Дэниела. Ее идеальная, безопасная жизнь только что дала трещину. И дело было не в Каэле. Дело было в ней самой.

А на ветке старого дуба, прямо напротив крыльца, сидел огромный чёрный ворон. Он не шевелился под дождем. Он просто провожал взглядом удаляющуюся машину с молчаливым, вековым торжеством.

ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ СОН

Квартира Дэниела была идеальной. Просторная, в стиле минимализма, выполненная в успокаивающих серых и бежевых тонах, она всегда казалась Эвелин островком абсолютной безопасности. Здесь всё подчинялось строгому порядку. Юридические журналы на журнальном столике лежали ровной стопкой, на кухне тихо и размеренно гудел дорогой холодильник, а из панорамного окна открывался вид на залитый ночными огнями современный деловой центр.

Никакой гари. Никакой сырости. Никаких воронов.

— Ты почти не притронулась к ужину, Эв, — Дэниел мягко коснулся её ладони, прерывая затянувшееся молчание.

Они сидели за обеденным столом. Дэниел уже сменил строгий костюм на домашний кашемировый джемпер, но даже сейчас выглядел безупречно и собранно.

— Прости, Дэни. Из-за этой погоды совсем нет аппетита, — Эвелин натянуто улыбнулась, спрятав левую руку под стол.

Деревянная шкатулка с кольцом сейчас лежала на самом дне её сумки, брошенной в прихожей. Но Эвелин казалось, что этот артефакт пульсирует даже сквозь плотную ткань, распространяя по квартире невидимые, тревожные волны.

Дэниел внимательно всмотрелся в её лицо. Его взгляд, привыкший подмечать мельчайшие детали на судебных про-

цессах, скользнул по тёмным теням под её глазами.

— Это из-за Клер? Она снова утомляет тебя своими разговорами о прошлом? — в его голосе послышались нотки лёгкого раздражения, которое он попытался скрыть за заботой. — Эв, я настаиваю на том, чтобы ты взяла отпуск в кафе. Прямо с понедельника. Этот твой новый босс, Каэль... он мне категорически не нравится. От него веет нестабильностью. Я не хочу, чтобы ты перерабатывала под его руководством.

— Я сама справлюсь, Дэни, — тихо, но твёрдо ответила Эвелин. Внутри неё вдруг шевельнулось глухое сопротивление. Ей не хотелось, чтобы Дэниел решал за неё, где и с кем ей работать. — Мне нужно закрыть смены до конца месяца. Я обещала Питеру.

Дэниел вздохнул, слегка качнув головой — так он обычно реагировал на нелогичные, с его точки зрения, поступки подзащитных.

— Хорошо. Но завтра утром мы едем к доктору Харрису. Я уже записал тебя на приём. Тебе нужен нормальный, здоровый сон, Эвелин. Нам обоим нужна здоровая и счастливая невеста. Прими тёплый душ и ложись. Я поработаю ещё час в кабинете и приду.

Он поцеловал её в макушку — этот поцелуй пах мятной пастой и дорогим парфюмом, он был правильным, предсказуемым и... совершенно пресным.

Эвелин легла в постель, завернувшись в тяжёлое пуховое

одеяло. Хроническое истощение наконец взяло своё: стоило её голове коснуться подушки, как сознание провалилось в темноту.

Но эта темнота не принесла покоя. Она взорвалась.

Мир вокруг неё больше не был серым и технологичным. Он был яростным, средневековым, пахнущим сыростью, потом толпы и страхом.

Эвелин не видела себя со стороны, но она чётко ощущала чужое тело. Грубая ткань платья липла к ногам, верёвки до крови врезались в запястья. Но самое страшное — внутри неё горела нечеловеческая, колоссальная сила. Магия. Она бурлила в её венах, как раскалённая лава, дикая и свободная, совершенно не похожая на ту зажатую, тихую Эвелин, которой она была в XXI веке.

— Ведьма! — плевков из толпы попал на подол её платья.
— Сжечь её!

Она шла по деревянному помосту. Шаг. Ещё шаг. Огонь внизу уже лизал сухие поленья, и этот жар обжигал лицо. Но её глаза искали только одного человека.

И она нашла его.

Внизу, сдерживаемый стражниками инквизиции, стоял Каэль. Он был точно таким же, как в кафе — те же резкие черты лица, та же бледность, те же бездонные чёрные глаза. Но в них горело такое первобытное, дикое отчаяние, какого современный человек просто не способен выдержать. Он рвался к ней, его одежда была разорвана, на скуле виднелась

кровь.

— ЭЛИАНА! — его крик разорвал площадь, и этот звук отозвался в её груди оглушительной, сладкой болью. Она любила его. Любила так сильно, что ради одного его взгляда готова была сжечь этот мир дотла.

Она подняла связанную руку. Кольцо с тёмным антрацитовым камнем тускло блеснуло в лучах заходящего солнца. Последнее заклинание сорвалось с её губ — древние слова, похожие на шипение змеи. Она отдавала ему свою силу. Отдавала саму себя.

«Найди меня. Даже через сотни жизней», — беззвучно произнесли её губы.

И в следующую секунду пламя резко взметнулось вверх, закрывая Каэля огненной стеной. Боль пришла мгновенно, чистая, испепеляющая, невыносимая...

— Эвелин! Эвелин, очнись!

Эвелин резко распахнула глаза и села на кровати, судорожно хватая ртом воздух. Сердце колотилось о рёбра с такой силой, что казалось, ещё секунда — и грудная клетка разорвётся. Вся её ночная рубашка была насквозь мокрой от липкого холодного пота. В носу стоял отчётливый, удушливый запах дыма и палёных волос, а кожа на руках горела так, словно она действительно стояла слишком близко к огню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.